

УДК 165.0

А.З. Черняк

АВТОМАТИЧЕСКИЕ РЕФЕРЕНЦИИ

В современной философии языка существует популярное направление, приписывающее некоторым языковым выражениям так называемые прямые референции, связывающие эти выражения с их носителями независимо от дескрипций, с помощью которых мы понимаем их значения. Частный случай такой теории – концепция автоматической референции демонстративных выражений, согласно которой эти выражения меняют своих носителей в контекстах независимо от интенций субъектов, использующих их для указания на соответствующие объекты. Но можно ли приписать прямую референцию выражению, демонстрирующему автоматизм такого рода? В данной статье предложен альтернативный анализ соответствующих феноменов, не поддерживающий концепцию прямой референции.

Ключевые слова: значение, референция, демонстратив, дескрипция, автоматизм.

1

Современные теории, объясняющие семантику языковых выражений, стабильно используемых для обозначения, указания, именованя и фиксации определенных объектов, приписывают им референцию, т.е. такое свойство, которое фактически делает соответствующие объекты носителями отношения непосредственной данности при применении к ним соответствующего выражения в соответствующем случае (референциальном использовании субъектом коммуникации). Одна из самых популярных теорий референции последних десятилетий трактует это отношение как не детерминированное никакими описаниями, фиксирующими для субъекта существенные или отличительные свойства объекта референции, а формируемое непосредственно обстоятельствами указания на объект посредством данного выражения. Такую референцию обычно называют *прямой*.

Есть разные версии этой теории. Самая известная принадлежит С. Крипке, который трактует такие типы выражений, как собственные имена и термины естественных видов, как прямо референциальные в том смысле, что их связи с объектами, реализуемые референцией, задаются в строго определенных исторических ситуациях и впоследствии поддерживаются каузальной зависимостью использования выражения от обстоятельств закрепления данного отношения за данной парой «объект – выражение» [1]. При этом дескрипции могут играть определенную роль в закреплении за выражением референции в отношении определенного объекта или вида, но не они поддерживают эту референцию в исторической перспективе, а связь с самими обстоятельствами задания референции.

Другая теория прямой референции принадлежит Д. Каплану. Он считает, что демонстративные и индексальные выражения (большую часть которых составляют местоимения или конструкции с местоимениями) указывают на свои референты в конкретных случаях их использования для указания (*кон-*

текстах) прямо, а не благодаря каким-то описаниям, с помощью которых можно понять, что должно означать данное выражение в данном контексте (которыми обычно оперируют правила языка). Он различает два уровня значения – характер и содержание. Содержание есть функция от контекста к экстенционалу, которым для единичного термина является индивид, для предложения – истинностное значение, а для n -местного предиката – множество n -ок индивидов. Содержанию предложения соответствует высказываемая посредством его использования пропозиция, а содержанию единичного термина – его референт. Таким образом, демонстративы, по мысли Каплана, в каждом контексте имеют один и тот же референт, независимо от обстоятельств, и это – тот индивид, который является его действительным референтом в данном контексте. Характер есть функция от возможных контекстов к содержаниям, детерминирующая содержание в различных контекстах. С другой стороны, это – то, что знает компетентный пользователь языка о значении выражения [2. Р. 526]¹.

Обе теории также анализируют прямо референциальные выражения как *жесткие десигнаторы*, т.е. такие, которые в каждом контексте обозначают один и тот же – действительный – объект во всех возможных мирах. Но в отличие от теории Крипке, теория Каплана не нуждается в поддержке со стороны каузальной теории референции, объясняющей семантику референциальных выражений с точки зрения причинно-следственных зависимостей от исторических обстоятельств.

В аналогичном ключе рассуждает Д. Перри, который трактует прямую референцию демонстративов как *автоматическую*. Она имеет место только тогда, когда выражение в контексте указывает на объект *независимо от интенций агента и того, что он пытается сказать* в данном конкретном случае. Но это характерно не для всех демонстративных выражений. Так, «Я» и «вчера» демонстрируют такой автоматизм референции: если даны контекст и правило использования выражения в контексте (характер в терминологии Каплана), референция осуществляется автоматически. Референт «Я» с этой точки зрения детерминирован агентом, а референт «вчера» – временем произнесения или написания данного выражения. С другой стороны, значения чистых демонстративов – например, «настолько», когда рыбак говорит, что поймал настолько большую рыбу, и показывает какую, или «этот человек», сопровождаемое не вербальным указанием, – зависят от дополнительных обстоятельств, а именно тех, которые отвечают за демонстрацию (в рассмотренных случаях это – расстояние между руками, с помощью которого демонстрируется размер, и объект не вербального указания) [3].

Анализ этой версии идеи прямой референции особенно важен, потому что случаи, в которых выражения должны, согласно предположению, демонстрировать автоматические референции, являются в своем роде парадигмами прямой референции, и если окажется, что нет оснований приписывать авто-

¹ Здесь содержание берется как тип, тогда как в определении содержания это понятие обозначает конкретные значения, т.е. токены. Каплан уточняет, что характер есть только у слов и фраз как типов, а содержание – у слов и фраз в контексте; появление двух фраз может иметь одно и то же содержание, несмотря на различные характеры, и две фразы могут иметь одинаковый характер, но разное содержание в разных контекстах.

матические референции в этих случаях, то применимость идеи прямой референции к каким-либо случаям использования естественных языков в коммуникации в целом окажется под большим сомнением. Источником сомнения в данном случае является, как мне кажется, подмеченная Перри неоднородность выполнения выражениями демонстративной функции, когда одни из них уместно, а другие не уместно трактовать как автоматические. Если автоматизм выбирается как основной критерий прямоты, то из этого должно следовать, что не все демонстративы прямо референциальны, но если это так, то прочему какие-то демонстративы должны наделяться прямой референцией? У нас нет фактов, которые могли бы прямо свидетельствовать о прямой референции. Так не является ли их предполагаемый автоматизм в отношении к их носителям в контексте иллюзорным?

По-моему, обнаруживаемый некоторыми демонстративными выражениями автоматизм не того вида, который мог бы обосновывать приписывание им прямых референций. Это в лучшем случае – автоматизм функции, но не ее выполнения. Автоматически выбирая референты по правилам и в соответствии с релевантными параметрами контекстов, индексальные выражения не обязательно автоматически указывают на эти референты, даже если последние даны в контексте и даны тем способом, который соответствует правильному использованию данного выражения в данном контексте¹.

2

Перри предлагает принять, что мы говорим об объекте, когда выражаем пропозиции, включающие этот объект в качестве конституента [3. Р. 8]². И это условие выполняется в случаях, когда мы не называем и не описываем объект, о котором говорим, если из контекста ясно, что он собой представляет. Примером такой ситуации он считает случай, когда есть единственный объект, выполняющий для некоей популяции определенную семантическую функцию. Так, по его мнению, если жители некоей страны *Z* получают информацию о погоде только в стране *Z* и не интересуются погодой где-либо еще, для них «идет дождь» будет автоматически означать «в стране *Z* идет дождь». Он также трактует некоторые ситуации, когда референт не остается неизменным, как случаи автоматической референции: если *Z*-ландцы стали кочевниками и выражение «идет дождь» для них всегда значит, что дождь идет в том месте, в котором они находятся, и в то время, в которое делается утверждение [3. Р. 9]³.

¹ Здесь речь идет не о том, что семантическая референция может не выполняться: это достаточно очевидно для случаев отсутствия релевантного объекта или невозможности его идентификации. Прямая референция должна обеспечивать выполнение указания на объект чисто семантическими средствами, по крайней мере, в условиях, когда значение + контекст автоматически наделяют выражение определенной референцией и дан релевантный объект. Это выполнение должно быть автоматическим, если референция соответствующего термина прямая. Но, на мой взгляд, это не так.

² Он называет это неартикулированными компонентами содержания или, более традиционно, – имплицитными референциями.

³ При этом он сам замечает, что такая популяция не сможет осмысленно говорить о прошлом или будущем дожде.

Но какие факты свидетельствуют, что «идет дождь» строго значит для Z-ландцев «в стране Z идет дождь», а для кочевников – «дождь идет там, где мы сейчас, тогда, когда это говорится»? Разве Z-ландец не может вообразить себя находящимся в другой стране и делающим утверждение о погоде там, где он находится? Если да, то «идет дождь» и «в стране Z идет дождь», по крайней мере, не тождественны для его популяции во всех релевантных контекстах. И разве кочевник не может осмысленно говорить о дожде, который прошел пять минут назад в месте, в котором его племя находилось пять минут назад? Место, где я сейчас нахожусь, и время, в которое я произношу данную фразу, не настолько четкие понятия, чтобы можно было с уверенностью разграничить, где и когда «идет дождь» кочевника применимо к месту и времени контекста, а где и когда – еще и к месту и времени, подразумеваемым контекстом.

Что вообще значит, что объект выводим из контекста? Какая информация, данная в каком виде, обеспечивает выполнение этого условия? Индексикалы позволяют говорить об объектах, не зная много о том, что они собой представляют, или каковы их имена; но при этом требуется знать, какое они имеют отношение к контексту высказывания. Дескрипции и имена, напротив, не требуют знать отношения такого рода, но требуют знать, что это за объект или к чему относится имя. Можно не знать, где объект, куда указывать, чтобы указать на него непосредственно, описывая объект или называя его [3. P.10]. В обоих случаях, однако, сомнительно, что вся релевантная информация выводима из контекста.

При использовании имен и дескрипций для указания на объект контекст, предположительно, должен каким-то образом включать подходящий индивидуальный объект. Даже если это выполнимо (хотя очевидно, что это очень трудно обеспечить для прошлых, абстрактных, очень больших и сложных, очень маленьких, нечетких и т.п. объектов), соответствие того, что дано в контексте, тому, к чему применимо данное имя или дескрипция, базируется на внеконтекстных основаниях. Обычно такое соответствие обеспечивается знанием смысла или интенционала выражения; в случае индексальных и демонстративных выражений смысл обычно представлен правилом, которое и обеспечивает знание отношений объектов указания к контекстам. Но в правилах и индивидуальных знаниях, представляющих смыслы, объекты возможного указания даны как виды – абстрактные носители определенных свойств, – тогда как детерминированность контекстом требует конкретности¹. Контекст позволяет выделить одно из двух: либо некий *субстрат* – набор перцептивных данных, объединенных по принципу близости того или иного рода², во временный комплекс, на которому применим в данном контексте определенный демонстратив (например, «это»), либо токен какого-то

¹ Ср.: «"Я" обозначает индивида, произносящего данную фразу...», что можно заменить на выражение с переменной в роли указателя: «"Я" обозначает $x(Fx)$ », где F – свойство, идентифицирующее заместителя «x» в контексте. И «"Я" здесь и теперь указывает на меня»: согласно идее прямой референции «меня» не заменимо на « $x(Fx)$ », так как только я сам удовлетворяю данному выражению в данном случае и никто другой.

² Пространственной, временной или иконической. В общем, вероятно, это ближе всего к тому, что Каплан понимает под демонстративом.

определенного вида. Что именно составляет контекст, зависит от степени участия в нем концептуальных элементов или, иначе, от того, насколько сам контекст конституирован знаниями и убеждениями агента (и, возможно, других участников).

3

Интуитивно из контекста может быть ясно, о каком индивидуальном объекте идет речь, но это – ясность, достаточная для решения текущих коммуникативных задач; она *не* достаточна для приписывания выделяемого таким образом индивидуального объекта в качестве референта соответствующего референциального выражения в соответствующем контексте. Представим себе, что в комнате три человека и один из них, обращаясь к другому, говорит о третьем, что он дурак. Из обстоятельств, конституирующих эту ситуацию, каждому из троих, если это рациональные субъекты с определенным уровнем интеллекта и знаний, совершенно ясно, о ком из находящихся в комнате говорит говорящий; и, поскольку из опыта коммуникации (который при желании можно представить в виде набора правил) им также ясно, что речь здесь может идти только о ком-то из непосредственных участников разговора, это делает референтом «он» в этом контексте единственный субстрат, подходящий на эту роль согласно всему, что знают участники ситуации. Можно даже сказать, что это наделение референцией происходит автоматически, т.е. независимо от интенции говорящего¹. Но этого достаточно только потому, что участников разговора не интересует ответ на вопрос, что обозначает «он» в данном высказывании, или даже – кого имеет в виду говорящий. Если бы их интересовал этот вопрос, они как рациональные агенты должны были бы применить к ответу на него актуальные для них стандарты качества ответа: в этом случае, понимая, что, вопреки правилу, говорящий мог бы иметь в виду кого-то еще, кроме тех, кто находится непосредственно в комнате (например, кого-то, о ком он внезапно подумал, но забыл, что не упомянул его эксплицитно), они должны были бы учесть эту гипотезу в своем ответе и не приписывать референцию, не собрав дополнительной информации. Но то, что им ясно, кто имеется в виду, блокирует эту рациональность; их интересует только вопрос – дурак ли тот конкретный индивид, о котором идет речь.

Предположим, их интересует, кого имеет в виду говорящий; уточнив, они получают в качестве референта того же индивида, что и прежде. Таким образом, значение выражения в контексте может остаться тем же самым, даже если интенциональные приоритеты сформировавшей его коммуникативной ситуации изменились. Если то, что значит выражение в конкретном случае его использования для тех, кто его использует или кому это использование адресовано, имеет влияние на семантику выражений (а в случае контекстно зависимых выражений это, очевидно, так), то автоматизм исследуемого вида можно трактовать как семантическое свойство. Но по той же причине, поскольку этот автоматизм обусловлен тем, что использование соответствующей

¹ Хотя то, что ему приписывается такая интенция остальными участниками – важный фактор выполнения данным высказыванием референциальной функции.

щих выражений во многих (но, скорее всего, не во всех) релевантных случаях имеет определенные интенциональные основания, которые могут измениться, не меняя тем самым результаты оценки значений в тех же контекстах, его нельзя считать необходимым условием референциальности соответствующих выражений при соответствующем использовании.

Субстрат – не объект в привычном смысле, а временный комплекс; в этом смысле он наделен очень ограниченным набором качеств (теми, которые необходимы для его фиксации в контексте демонстративными средствами). Качества, которые необходимы для восприятия субстрата как индивид, обычно включают те, которые делают его фиксируемым в контексте еще и посредством дескрипций или имен. В случае конкретного человека это качества, характеризующие его как определенную личность, сохраняющиеся во времени, обычно не ограниченном рамками контекста¹, и представленные в контексте некоторыми интенциями, знаниями и поведением². Наши обычные знания, связывающие другие знания (например, правил) с контекстами, могут обеспечивать автоматическое выделение из контекста подходящего субстрата, а также, при некоторых дополнительных допущениях, наделение его свойствами индивида, удовлетворяющими практическим задачам коммуникации. Но вряд ли они способны автоматически выделять для тех, кому важно ответить на вопрос «О чем или о ком идет здесь речь?» один-единственный индивидуальный объект в каком-либо контексте. Даже если они в принципе могут быть настолько информативны, индивиды – просто сущности не того вида, который может быть полностью локализован внутри отдельно взятого контекста.

Поясним это на примере референции «Я». Что значит, что референция «Я» зависит только от агента? «Я» может указывать как просто на того, кто говорит или пишет то-то и то-то здесь и теперь, так и на носителя определенных личностных свойств, который говорит или пишет нечто здесь и теперь. Назовем референт первого типа агентом в узком смысле, а второго – агентом в широком смысле: для узкого смысла агентства характерно, что агент выбирается строго относительно контекста, тогда как для широкого смысла агентства характерно, что выбор агента обусловлен выполнением в контексте для субстрата агента в узком смысле условия соответствия некой модели личности, наделенной историей и, как следствие, существованием в соответствующем мире³. Чтобы быть агентом в узком смысле, достаточно быть представителем вида человек разумный и, возможно, некой популяции, определенной более специфическим образом⁴, но точно не обязательно быть определенной

¹ Если только само понятие контекста не расширено искусственно таким образом, чтобы охватывать любой релевантный период времени.

² Но эти элементы, будучи сами полноценными объектами, также даны в контексте, так сказать, частями, особенно это относится к психологическим свойствам, которые правдоподобно интерпретируются как диспозиции.

³ По-другому можно сказать, что агент в узком смысле необходимо тождествен говорящему или пишущему то-то и то-то здесь и теперь, а агент в широком смысле – лишь постольку, поскольку для его субстрата выполняется соответствующее условие.

⁴ В этом случае под индивидом понимается не конкретная личность, но и не чистый субстрат, а носитель неких общечеловеческих свойств, обеспечивающих его способность демонстрировать рациональное поведение – быть агентом контекста.

личностью с характерными убеждениями, привычками и т.п., что необходимо для соответствия агенту в широком смысле.

Можно сказать, что «Я» обозначает в каждом релевантном контексте агента в узком или агента в широком смысле¹. Обычные правила не определяют референцию «Я» строго относительно узкого или относительно широкого понимания агента: они только говорят, что «Я» обозначает того, кто говорит или пишет «Я» в данной ситуации, если это не цитата. «Того, кто» можно толковать в том числе и как двусмысленное упоминание агента в узком или агента в широком смысле.

4

Широкое понятие агента уместно трактовать как отображение некой совокупности личностных и исторических черт на индивида, производящего здесь и теперь данное действие. Если действие производит просто рациональный агент, и его личностные особенности не участвуют в конституировании контекста, то в большинстве ситуаций, в которых интуитивно ясно, что имеет в виду говорящий, эта ясность будет утрачена, поскольку как просто рациональный субъект и даже представитель определенной популяции, любой индивид в одних и тех же обстоятельствах может иметь в виду много разного. Предположим, говорящий говорит, указывая на конкретного человека: «Я думаю, что он гений». Если он воспринимается слушающими как просто представитель общей популяционной рациональности, то он может быть понят как говорящий, как минимум, что сейчас он думает, что тот, на кого он указывает, гений, или что, согласно его убеждениям, определенный индивид, на которого он указывает, гений. Различие в условиях истинности между этими трактовками эксплицируется не только в ситуации, когда тот, о ком говорящий думает, не совпадает с тем, на кого он непосредственно указывает, но и в ситуации, когда то, что он *сейчас* думает о том, на кого правильно указывает, не соответствует тому, что он *обычно* о нем думает. Практика использования его популяцией выражения «думая, что» вполне может допускать обе трактовки как отвечающие принципам рациональной коммуникации. Но в случаях, когда из контекста ясно, что сказано, это ясно, в том числе потому, что понятно, какое значение «думая, что» является предпочтительным в подобных ситуациях для данного агента, выбираемого по его личностным свойствам (включая языковые привычки), т.е. агента в широком смысле².

Таким образом, интуитивно широкое понятие агента должно иметь приоритет в определении референции «Я» хотя бы потому, что оно необходимо для идентификации соответствующего коммуникативного действия – выска-

¹ И ни то, ни другое не является указанием на субстрат. Воспринимая некий перцептивный комплекс как производящий высказывание здесь и теперь, мы уже воспринимаем его как индивид, а не только как субстрат, так как производить высказывание, в отличие от просто звуков, – значит обладать необходимыми для этого когнитивными способностями.

² Возможно, поэтому под контекстом приписывания значения иногда понимают такую ситуацию, в которой участники представлены как носители релевантных убеждений и знаний, реализованных или, иначе, актуализованных соответствующими коммуникативными интенциями. Ср., например, [4].

звания¹. Тем не менее я не стану настаивать на том, что именно оно определяет референции зависимых от него выражений: достаточно упомянутой двусмысленности существующих правил. В этом отношении они больше похожи на аналогичные правила для «здесь» и «теперь», которые не расшифровывают, какой объем пространства и времени допустимо, а какой уже недопустимо отождествлять с местом *здесь* и временем *теперь* соответственно².

Например, если кто-то, сделав что-то не то, говорит искренне о себе «Я дурак», это предложение в данном контексте будет иметь явно разные значения в зависимости от того, выбирает «Я» агента в узком или в широком смысле. Если выбирается агент в широком смысле, то предложение утверждает в этом случае, что данный человек дурак (с чем субъект такого утверждения вряд ли согласится), если выбирается агент в узком смысле, то сказанное в предложении при прочих равных соответствует пропозиции: действующий здесь и теперь поступил глупо. Но обычно в подобных случаях имеется в виду, что данный человек здесь и теперь поступил глупо; для выполнения этой интенции необходимо, чтобы «Я» выбирало как агента в широком, так и в узком смысле³.

Представим себе человека, потерявшего память и попавшего в неизвестное место, где никто не знает, кто он и откуда, коммуникация с его прежним местом жительства невозможна. Если при этом та популяция, частью которой он первоначально являлся и в которой было известно, кто он, больше не существует, строго говоря, ни для кого из компетентных пользователей языка он не может быть частью никакого контекста в качестве агента в широком смысле – человека с индивидуальной историей и именем. Мне кажется, предвзято будет утверждать, что и в такой ситуации «Я» в его высказывании о себе и «ты» или «он» в высказываниях других о нем все равно обозначают его человеческую личность, включающую его прошлые связи с определен-

¹ Приписывать значение набору звуков или закорючек есть задача иного рода, нежели приписывание значения высказыванию: в первом случае множество релевантных элементов будет включать многочисленные природные явления и, возможно мистические силы, которые могут быть каузально связаны с появлением данного объекта – здесь может вообще не быть места семантике какого-либо языка. Во втором случае релевантное множество значительно уже в одном отношении, но может быть шире в другом, поскольку, не включая большую часть природных причин появления соответствующего объекта (звуков или закорючек), оно должно включать как можно больше психологических и логических причин.

² Наше использование индексов места и времени во многом предписывает им социальные, а не чисто географические значения: «здесь» в этом смысле значит «там, где я или мы», а «сейчас» – «тогда, когда я или мы делаем то-то и то-то». Такие понятия просто не предусматривают проведения четких пространственных или временных границ, а выделить в практиках использования этих выражений контексты, в которых они имеют чисто географическое применение, скорее всего, невозможно. Даже если использование выражения снабжено пояснением, однозначно предписывающим его географическую трактовку, это не исключает вероятность того, что само пояснение понадобилось, чтобы исключить внедренное в саму практику понимания этого выражения социальное значение.

³ Это можно представить в полуформальном виде пропозицией: «Существуют человеческая личность А и действующий здесь и теперь x , x есть А и x поступает глупо». Это не значит, что экстенционал «Я» в контексте должен непременно включать образ или абстрактную модель. Им может быть множество конкретных появлений А в роли x в ситуациях, где поведение x не противоречит образу или модели А относительно выбранного контекста. Но интенциональная составляющая стандартного значения «Я» должна включать не только правило, но и широкое понятие агента, которое каждый субъект выбирает для себя волюно или неволюно и реализует (не обязательно всегда одно и то же) в контекстах, подчиненных этому правилу.

ными именами и дескрипциями, а не его появление в данном месте в данное время или совокупность эпизодов участия его тела и психики в социальной интеракции после определенного момента времени, который соответствует потере памяти его как агента в широком смысле, конституированном его прошлой историей. Это можно утверждать, имея в виду, что значения соответствующих демонстративов относительно данного индивида и данных способов их использования детерминированы тем понятием данного индивида, которое сформировалось до потери им памяти. Но, во-первых, это – презумпция, а не вывод, а во-вторых, это не то же самое, что утверждать, что такие значения детерминированы самим индивидом в контексте, так как мы видели, что понятие участия индивида в контексте, по меньшей мере, двусмысленно.

Аналогичным образом можно различить между узким и широким смыслами «здесь» и «теперь»: одни и те же их использования могут трактоваться и как индексы места и времени контекста, и как обозначения более пространственных локаций. Ср.: «Меня здесь каждый знает» в смысле «в этой комнате» и в смысле «в этом городе». В обоих случаях «здесь» обозначает место, в котором находится говорящий и в котором производится высказывание, но что это за место должно быть ясно из контекста. Если контекст образован интенцией говорящего, то в первом случае локацией должна быть комната, а во втором – город. Но комната – более определенный контекстный фактор, чем город: где пролегают границы комнаты и, соответственно, кого из людей включает, а кого исключает объем выражения «каждый» в данном случае, куда очевиднее, чем где пролегают границы города и кого из находящихся в городе в момент произнесения должно включать, а кого исключать «каждый». Комната как часть контекста тоже является источником некоторого числа пограничных случаев для оценки вклада значения «каждый» в экстенционал высказывания (например, человек, входящий в комнату или выходящий из нее, или тот, кто находится в соседней комнате и отражается в зеркале, висящим в данной комнате). Но они минимальны; а вот город, страна или вселенная в этом качестве – источники значительного числа устойчиво встречающихся пограничных случаев, влияние которых на оценку экстенционалов соответствующих высказываний невозможно исключить. То же самое относится к «теперь» в значении указания на период времени, более пространственный, чем непосредственно ситуация произнесения данной фразы. Интуитивно, то, что говорит в соответствующей ситуации агент, может быть истинно или ложно в зависимости от того, знает его каждый из людей в данном месте или нет, в предполагаемом говорящим смысле знания. Но по крайней мере для случаев широкой пространственной или временной локации высказывания достижение этой определенности значения невозможно без дополнительной информации, помимо знания правила и контекста. Объем «каждый» в приведенном примере не выбирается автоматически, мы используем дополнительную информацию, связывающую данный контекст с характеристиками агента в широком смысле (что он может иметь в виду в данном случае как обладатель такого-то характера, таких-то убеждений и т.п.), позволяющими исключить некоторые (в идеале все) влияния пограничных случаев нахождения релевантных сущностей здесь и теперь.

5

Теперь рассмотрим различие между «Я» и «настолько»: в обоих случаях релевантное использование выражения может быть задано правилом. В рамках подчиненного этим правилам типа использования значения соответствующих выражений будут зависеть от того, кто агент контекста: так, «настолько» обозначает свойство, на которое указывает или которое демонстрирует говорящий фразу с «настолько» в данной роли. Различие состоит в том, что во втором случае значение еще будет зависеть от того, на что указывает агент в контексте. Но я не вижу принципиальной разницы между этой зависимостью от дополнительной информации и той, которая имеет место при стандартном референциальном использовании индексикалов. Можно сказать, что правило предписывает зависимость экстенционала «настолько» от дополнительного внешнего фактора тем, что определяет его *de dicto*, а не *de re*. Но это определение выполняется теми же языковыми средствами, что и определение референта обычных индексикалов: посредством таких описаний, как «тот, кто», «то, на что», «там, где», «туда, куда», «индивид (объект), который» и т.п. Всех их можно интерпретировать как *de re* или как *de dicto* определения, и обычные правила не содержат информации, которая позволяла бы исключить одну из интерпретаций как некорректную. У нас, таким образом, нет хорошего основания, обеспечиваемого знанием правил, считать, что референт «Я» полностью детерминирован правилом и контекстом, а референт «настолько» – нет. В лучшем случае все правила двусмысленны на этот счет.

Референция демонстратива «этот» может быть также задана правилом так, что данное выражение автоматически указывает в подчиненном этому правилу высказывании на объект, выбираемый относительно интенции агента. Поскольку выбор зависит от агента, на какой именно объект указывает «этот» не задано правилом. Но сам выбор референции в соответствии с выбором агента не менее и не более автоматический, чем при нормальном использовании выражений «вчера», «сегодня» и т.п., которые можно трактовать как выполнение общего принципа или конвенции выбирать день, конституирующий контекст в качестве точки отсчета¹, и в этом отношении как обеспеченное соответствующей коммуникативной интенцией. Разумеется, различие между этими ситуациями не устраняется полностью, но оно скорее количественное, чем качественное.

Перри приводит пример, в котором агент видит среди людей на противоположной от него стороне улицы человека в синем пиджаке, которого он

¹ Кстати, полагаю, что обычные правила, определяющие для обычных компетентных пользователей языка значения «вчера», «сегодня» и «завтра», также недостаточно информативны в отношении выбора точки отсчета. В них не говорится эксплицитно, что «сегодня» в буквальном смысле должно всегда указывать на день, в который сделано высказывание. Представим себе человека, потерявшего сознание и очнувшегося на следующий день с ощущением, что прошло несколько минут: он говорит, что сегодня не его день. Достаточно очевидно, что он имеет в виду вчерашний день, и мы не сочтем его использование слова «сегодня» с таким значением как неправильное, учитывая его ситуацию. Но если бы соответствующее правило однозначно предписывало применение этого слова только к дню производства высказывания, мы должны были бы воспринимать такое высказывание как неправильное использование данного слова или как метафору, шутку или что-либо подобное. Но мы вряд ли оценим такое восприятие как корректное.

принимает за Гарольда, укравшего у него, согласно другому его предположению, бумажник. Он тычет в него пальцем и говорит: «Этот человек украл у меня бумажник». Перри считает, что интенция указать на Гарольда не релевантна приписыванию референции выражению «этот человек» в данном контексте, тогда как интенция указать на человека в синем пиджаке релевантна [З. Р. 5]. Но мне кажется, что интенция указать на Гарольда в данном примере не безразлична приписыванию значения демонстративу. Если бы агент просто хотел выделить для указания одного индивида из окружения и поскольку он единственный в синем пиджаке, использовал бы этот признак как идентифицирующий, то *то*, что он сказал, имело бы условия истинности: истинно тогда и только тогда, когда человек в синем пиджаке украл у агента бумажник. Но агент использует критерий синего пиджака как подчиненный его представлению, что Гарольд и есть человек в синем пиджаке. В этом отношении, независимо от того, что думает агент в момент произнесения высказывания, ему можно приписать интенцию указать на Гарольда, выполняемую интенцией указать на человека в синем пиджаке. По-другому о его интенциональном содержании высказывания можно сказать, что «этот человек» обозначает человека в синем пиджаке при условии, что это – Гарольд.

«То, что он хочет сказать» и «что агент выбирает в качестве референта демонстратива» могут сами иметь разные значения: то, о чем агент непосредственно думает в данном контексте, и то, что он имел *бы* в виду в этом случае на лучшей когнитивной позиции, т.е. когда способен максимально эффективно использовать свой интеллектуальный потенциал с наименьшим достижимым для него риском ошибки. Относительно своей лучшей позиции, для агента «этот человек» не заменимо в данном контексте на «человек, стоящий сейчас там-то в синем пиджаке», а заменимо на «человек, стоящий сейчас там-то в синем пиджаке и (если) это Гарольд». На этой позиции агент мог бы, предположительно, использовать всю совокупность своих представлений как единое целое, а не частями, как в обычных ситуациях, и тогда «Этот человек украл у меня бумажник» для него будет истинно тогда и только тогда, когда Гарольд украл бумажник. Но именно человек в синем мог украсть бумажник и, таким образом, если «этот человек» означает в данном контексте «человек в синем...», то указанное высказывание будет истинным, если данный человек не Гарольд, и ложным, если он Гарольд. Это явно противоречит всей совокупности релевантных представлений агента, которая должна быть воплощена в описанной коммуникативной ситуации.

Если я прав, то данный пример иллюстрирует отсутствие автоматизма выполнения референции. «Этот человек» автоматически насыщается референциальным значением вследствие наличия дополнительных данных, поставляемых ассоциированными действиями агента – не вербальным указанием в данном случае, – если такой принцип насыщения заложен в правиле, управляющем данной коммуникативной ситуацией для говорящего и слушающих. Но относительно всей совокупности интенционально релевантных содержаний, наблюдаемой на лучшей когнитивной позиции, достижимой для агента, ни одно из которых нельзя исключить из этого множества как иррелевантное, такое насыщение может быть противоречивым. Таким образом «этот человек» в такой ситуации либо ни на кого не указывает, либо имеет

раздвоенную референцию, но в любом случае знание правила или характера, ассоциированного с «этот», и знание контекста не детерминируют выполнение демонстративом своей обычной референциальной функции. А если верно, что у индексикалов не больше автоматизма, чем у чистых демонстративов, то сказанное относится и к чистым индексикалам. Автоматизм их насыщения референцией может делать и часто делает влияние дополнительной информации и интенций участников коммуникации незаметным; но он не исключает это влияние.

Таким образом, я не вижу убедительных оснований считать референции каких-либо выражений естественных языков автоматическими в том смысле, который здесь рассмотрен.

Литература

1. *Kripke S. A.* Naming and Necessity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
2. *Kaplan D.* "Demonstratives", Themes from Kaplan // J. Almog, J. Perry, H. Wettstein (Eds.). Oxford University Press, 1989.
3. *Perry J.* "Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents" // Computing Natural Language, A. Aliseda, Rob van Glabbeek, Dag Westerstaahl (eds.). CSLI Publications, 1998.
4. *Stalnaker R.* Context and Content: Essays on Intentionality in Speech and Thought. Oxford University Press, 1999.